Методология истории, источники, историография

УДК 930(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-158-169

«Имперский поворот» в изучении российской истории: современные интерпретации

Наталия В. Иллерицкая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalia.v.illeritskaya@gmail*

Аннотация. В статье проводится анализ нового направления современной историографии, получившего название «имперский поворот». В результате «имперских исследований» конструируется целостный образ Российской империи на всем протяжении ее исторического существования, которое охватывает по современным интерпретациям период со второй половины XV в. до 1917 г. В поле зрения исследователей попадают не только традиционные для имперских исследований России западные окраины, регион Поволжья, Кавказ и Средняя Азия, но и русско-китайское пограничье и Русская Америка. В современной историографии имперской России рассматриваются и анализируются такие дискуссионные проблемы, как «Россия и Запад», «Россия и Восток», степень уникальности российского империализма, концепция «внутренней колонизации», роль поднимающегося национализма в распаде империй в ходе Первой мировой войны. Русская революция в «имперском» контексте позиционируется как один из итогов Великой войны: революция 1917 г. в России стала лишь звеном мирового кризиса XX в. В итоге в современной историографии «преддверие революции» все меньше интересует историков. Их внимание сконцентрировано на предшествующих столетиях и на советском периоде. О кризисе Российской империи не спорят, не ставят его под сомнение, не ищут альтернатив или ответственных за него. Наличие кризиса просто констатируют, считая, что падение монархии избежать было нельзя, и эту данность следует историзировать.

Имперскую сущность России защищает теория неоевразийства. В представлении неоевразийцев в империи соединяются все евразийские ценности: преодоление этнического национализма, осознание России особой цивилизацией, создание прочной идеологии – государство растворяется в континенте, в империи реализуется «широтная» конфигурация России. Евразийство показывает, до какой степени тема Востока является

© Иллерицкая Н.В., 2023

основополагающей для русского сознания XIX–XX вв., насколько тесно эта тема связана с классическими философскими постулатами российской истории идей. Разговор о Востоке – это разговор о России, способ размышления об идентичности России, ее месте и природе. Евразийство демонстрирует потребность в обобщающих идеях, в объяснении специфики русского мира, охватившего два континента, в легитимации империи. Именно евразийство представляет русскую интеллектуальную традицию, которая всегда старалась представить Россию особым миром.

Ключевые слова: «имперский поворот», Российская империя, русская революция 1917 г., евразийство, неоевразийство

Для цитирования: Иллеритская Н.В. «Имперский поворот» в изучении российской истории: современные интерпретации // Вестник РГТУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 158–169. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-158-169

“Imperial turn” in the study of Russian history. Modern interpretations

Natalia V. Illeritskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
natalia.v.illeritskaya@gmail.com*

Abstract. The article analyzes a new direction in modern historiography, called the “imperial turn”. As a result of “imperial research”, an integral image of the Russian Empire is constructed throughout its historical existence, which, according to modern interpretations, covers the period from the second half of the 15th century until 1917. Researchers focus not only on the western outskirts, the Volga region, the Caucasus and Central Asia, traditional for imperial studies of Russia, but also on the Russian-Chinese borderlands and Russian America. The modern historiography of imperial Russia considers and analyzes such controversial issues as “Russia and the West”, “Russia and the East”, the degree of uniqueness of Russian imperialism, the concept of “internal colonization”, the role of rising nationalism in the collapse of empires during the First World War. The Russian Revolution in the “imperial” context is positioned as one of the results of the Great War: the revolution of 1917 in Russia became only a link in the global crisis of the twentieth century. As a result, in modern historiography “the threshold of the revolution” is of less and less interest to historians. Their attention is focused on previous centuries and on the Soviet era. They do not argue about the crisis of the Russian Empire, do not question it, do not look for alternatives or those responsible for it. The presence of a crisis is simply stated, believing that the fall of the monarchy could not be avoided, and this reality should be historicized.

The imperial nature essence of Russia is defended by the theory of neo-Eurasianism. The neo-Eurasians' idea of empire combines all Eurasian values: overcoming ethnic nationalism, recognizing Russia as a special civilization, creating a strong ideology: the state dissolves in the continent, Russia's "latitudinal" orientation is realized in the empire. Eurasianism shows to what extent the theme of the East is fundamental for the Russian consciousness of the 19th – 20th centuries, how closely the theme is connected with the classical philosophical postulates of the Russian history of ideas. A conversation about the East is a conversation about Russia, a way of thinking about the identity of Russia, its place and nature. Eurasianism demonstrates the need for generalizing ideas, to explain the specifics of the Russian world, which spanned two continents, and to legitimize the empire. It is Eurasianism that represents the Russian intellectual tradition, which has always tried to present Russia as a special world.

Keywords: "imperial turn", Russian Empire, Russian Revolution of 1917, Eurasianism, neo-Eurasianism

For citation: Illeritskaya, N.V. (2023), " 'Imperial turn' in the study of Russian history. Modern interpretations", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 2, pp. 158–169, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-158-169

Введение. Интеллектуальный контекст конструирования «имперского поворота» в истории

В XX в. после Второй мировой войны, в условиях нарастания «холодной войны» центральное место в исторических исследованиях занимала «проблема 1917 г.».

Во второй половине XX в. в историографии господствовало представление о глубоком всеобъемлющем кризисе, который неумолимо должен был закончиться крахом царской России. Поэтому наиболее востребованным было изучение всех аспектов этого кризиса: социально-экономического, политического, административного. Все они объединялись в общую картину «кризиса самодержавия», который завершился в 1917 г.

В историографии того времени русская революция 1917 г. трактовалась как цивилизационный разрыв. Поэтому ключевыми для исторического анализа стали проблемы «преддверия революции» 1917 г. В связи с такой постановкой вопроса историки в своих изысканиях отступали все дальше в прошлое для того, чтобы обнаружить факторы, готовившие и неизбежно приведшие к революции.

В рамках интеллектуальной истории исследователи стали придавать решающее значение идеологии, считая, что к трагической развязке 1917 г. подталкивал неумный радикализм интеллигенции [Большакова 2019б, с. 159]. Однако интеллектуальная история в такой интерпретации довольно быстро утратила свои позиции, уступив место широкому изучению революционно-освободительного движения: в революционерах тогда видели важнейший политический фактор падения режима и главное проявление кризиса [Большакова 2019б, с. 160].

При выявлении причин революции долгое время основное внимание уделялось политической истории и понятие «кризис» доминировало в исторических исследованиях, посвященных деятельности Государственной думы [Большакова 2021, с. 160].

В 1960–1970-х гг. представление о системном кризисе в царской России в исторической науке оформлялось под влиянием социологии, где общество воспринималось как система, развивающаяся закономерно и прогностически. В связи с этим в практике историописания господствующее положение заняла социальная история, проблематика которой сосредоточилась на исследовании общественных групп, народных масс, классов, социальных конфликтов и их причин. Россия ставилась таким образом в один ряд с европейскими державами, а революция признавалась неизбежным результатом «запоздалой» модернизации, характерной для стран «догоняющего» развития.

В этот же период была выработана модель российской модернизации, главной особенностью которой объявлялась руководящая роль государства. Модернизационная теория стала основным аналитическим инструментом при изучении истории России и СССР. В модернизационном подходе в первую очередь изучалась экономика. Однако модернизация в России проводилась «сверху», главным ее действующим лицом признавалась просвещенная бюрократия, поэтому большое внимание исследователи уделили анализу деятельности правительственного аппарата империи. Ставился вопрос и о «параличе власти», однако в этом контексте с бюрократии снималась прямая ответственность за революцию, и даже отмечалось, что временами государственная машина успешно справлялась с кризисом [Володин 2003, с. 8–29; Большакова 2019б, с. 160–164].

Одной из важных причин революции в историографии представлялась раздробленность российского общества. Крестьяноведение опиралось на концепцию А.В. Чаянова об особом «моральном» характере крестьянского мира, что якобы позволяло понять устройство общины и социальные практики русской деревни.

Та же модель дезинтеграции переносилась и на российскую буржуазию, которая позиционировалась как слабая, разобщенная, не способная отстаивать свои интересы. Нарастающая социальная дифференциация, как считали исследователи, неминуемо влекла страну к революции [Большакова 2019б, с. 164].

Тем не менее в конце 1980-х гг. стали активно пробивать себе дорогу работы по истории повседневности, которые начали вытеснять труды по «революционной» проблематике. Эти работы актуализировали новый конкретно-исторический материал, смысл которого был направлен на то, чтобы сглаживать антагонизмы в истории. Произошел переход к социокультурной истории. В этом подходе стал меняться и образ российской истории, поскольку внимание историков переключилось с государства на обыденную жизнь людей [Большакова 2019б, с. 165].

После окончания холодной войны прежние концепции истории России были объявлены недостоверными и нуждающимися в пересмотре. «Проблема 1917 г.» быстро потеряла свою актуальность, а понятие «кризис самодержавия» было поставлено под сомнение. Теперь, после смены историографических моделей, стали рассуждать не о национальном, а о мировом кризисе, который привел к мировой войне и череде гражданских войн и революций. Само понятие кризиса наполнилось новым содержанием. Начинался новый этап в исследованиях российской истории.

«Имперский поворот» в российских исследованиях

О новых тенденциях в историописании в последнее время принято говорить в терминологии «поворотов», смысл которых заключается в заимствованиях историками методов смежных гуманитарных и общественных наук. В результате этого методологического транзита у историков появляются новые тематические поля, такие как изучение пространства или увлечение исследованием империй. Таким образом, конструируются новые интеллектуальные повороты – имперский и пространственный [Долбилов, Сталонас, с. 359].

Распад Советского Союза был воспринят как «падение империи», что тогда считалось исторически неизбежным. Основываясь на стадильном представлении об историческом процессе, утверждалось, что многонациональные империи являются «архаической» формой государства и должны быть сменены современным национальным государством. Смысл исторической эволюции с подачи либеральной идеологии и идеи прогресса состоял в движении к

демократиям западного типа, а национальное государство рассматривалось как один из ее главных атрибутов. Но к началу XXI в. это основополагающее для либеральной идеологии положение было подвергнуто сомнению, как и сама идеология, которую стали трактовать как западный проект эпохи Нового времени [Большакова 2019а, с. 150].

Одним из влиятельных направлений в современной историографии является изучение российской истории как бытования многонациональной империи в методологии «имперских исследований». Это направление возникло вскоре после распада СССР, который привлек внимание исследователей к проблеме империй как одной из исторических форм существования государства, и с тех пор неуклонно развивается как в России, так и за рубежом, так как распад СССР актуализировал взгляд на Россию как на многонациональную империю.

Империи и национальные государства ранее позиционировались как антитезы. Считалось, что по мере оформления национального самосознания на периферии любая империя должна неизбежно рухнуть, как Российская империя в 1917 г., как СССР. Однако практики конкретно-исторических исследований, накопленный материал поставил под сомнение достоверность сконструированных идеальных типов. Исторический опыт свидетельствует, что дихотомия «нация/империя» адекватно работает на материале европейских государств или морских империй. На материале континентальных империй и тем более России эта модель практически неинформативна [Большакова 2019а, с. 151].

«Имперский поворот» в мировой историографии оформился на рубеже 1980–1990-х гг. в связи со все возрастающим интересом к проблемам национализма и развитием постколониальных исследований. Этот «поворот» обычно интерпретируют как отход от изучения национального государства и обращения к модели империи, выделяя «новую имперскую историю». «Старая» история империи занимается изучением экономики, политики и военной экспансии, а «новая» интересуется культурой. Основным аналитическим инструментом этих исследований является «имперская парадигма», подразумевающая «особый» характер империй и неприменимость к ним мерок национального государства.

Имперская парадигма актуализирует модель империи как государственного образования, которое характеризуется сильной властью правителя, обширностью территории и разнообразием подвластных земель и народов. При этом, с одной стороны, подчеркивается вертикальный характер власти в империи, где центр безусловно доминирует над периферией, с другой – признается

толерантность имперского государства, управляющего разными народами и территориями на разных условиях. «Разнообразие» является ключевым словом в описании империи, создающейся путем завоевания и сохраняющей на присоединенных территориях присущие им формы управления и социальной организации образа жизни [Имперский поворот 2019, с. 5–6].

«Имперский поворот» обусловил плодотворный подход к рассмотрению истории России. В 1990-е гг. термин «империя» прочно вошел в научный обиход современной историографии, что означало, что теперь невозможно смотреть на историю России без признания ее многонационального и поликонфессионального характера. Исследователи успешно преодолели «разрыв 1917 г.» и теперь размышляют о преемственности между царской и советской Россией, находя ее в культуре, науке и социальных процессах, на которые смена режима не оказала прямого воздействия. Историков интересуют последствия революции, которая только началась в октябре 1917 г. Теория модернизации уже не устраивает исследователей потому, что они больше не принимают ее европоцентризм и стадийное понимание истории [Имперский поворот 2019, с. 6].

Имперская парадигма внесла существенные коррективы в конструирование актуальной проблематики исследований: «руссоцентристский» взгляд на Россию сменился «имперским», что означает смещение внимания с центра на периферию – к окраинам обширной империи, к проблемам национальной идентичности, к особенностям государственного строительства в «имперской ситуации». Главным в поле зрения исследователей оказывается «прекрасное прошлое» империи, прежде всего факторы стабильности, позволяющие ей успешно на протяжении веков управлять своими многочисленными народами. Все это анализируется в методологии культурной истории, ориентированной на изучение образов и репрезентаций. В то же время большую роль в этих исследованиях играет геополитический подход, позволяющий поместить историю Российской империи в общий контекст и вытеснить парадигму «догоняющего развития» [Имперский поворот 2019, с. 7–8].

В ходе «культурного поворота» в центре внимания историографии оказалась роль простого народа как потребителя и производителя массовой культуры и носителя общественного сознания. Постепенно вытесняется и столь привычный, но устаревший «конфронтационный подход». На смену жесткого дискурса модерна с идеями прогресса и линейного развития приходит способ мышления с множественностью альтернатив и причинных связей. Таким образом, и в предметном, и в методологическом плане конструировалась уже «другая история».

В результате оформляется вполне целостный образ Империи на всем протяжении ее исторического существования, которое охватывает по современным интерпретациям период со второй половины XV в. до 1917 г. Исследовательский кругозор теперь охватывает не только традиционные для имперских исследований России западные окраины, регион Поволжья, Кавказ и Среднюю Азию, но и русско-китайское пограничье и Русскую Америку. Поэтому в современной историографии имперской России рассматриваются и анализируются такие дискуссионные проблемы, как «Россия и Запад», «Россия и Восток», степень уникальности российского империализма, концепция «внутренней колонизации», роль поднимающегося национализма в распаде империй в ходе Первой мировой войны. Значение Первой мировой войны в этом процессе уже не оспаривается, речь идет о разном понимании соотношения империи и национального государства, что предопределяет презентистское видение будущего [Имперский поворот 2019, с. 15].

Новое понимание Первой мировой войны заставило по-новому оценивать и Русскую революцию, которая в «имперском» контексте позиционируется как один из итогов Великой войны: революция 1917 г. в России стала лишь звеном мирового кризиса XX в. Сначала локальные войны и революции, затем мировой военный конфликт, опять революции, гражданские войны, распад четырех континентальных империй и образование новых государств – все это привело к кардинальным изменениям всего мироустройства.

В итоге в современной историографии «преддверие революции» все меньше интересует историков. Их внимание сконцентрировано на предшествующих столетиях и на советском периоде, особенно на 60–70-х гг. XX в. Складывается мнение, что падение монархии надо принять как данность и историзировать все время существования Российской империи.

Евразийский контекст бытования имперской парадигмы истории России

Как результат произошедших дискуссий и новаций в политическое и интеллектуальное пространство современной России возвращается евразийская идеология. Евразийство заслуживает того, чтобы его знали и понимали лучше. Как бы к нему ни относились историки, но на данный момент неоевразийство представляет единственную постсоветскую обоснованную теорию, направленную на идентификацию России.

Зародившись в среде русской эмиграции между двумя мировыми войнами XX в., евразийство настаивает на существовании между Западом и Востоком третьего континента – евразийского, воплощением которого является Россия – страна-континент. Имеется в виду единство культур, рожденных на этой территории встречи русского, туранского и даже китайского миров. Евразийство узаконивает Российскую империю, ее континентальное измерение, и придает ей особую идентичность перед лицом Европы, вырабатывает особую политическую идеологию и национальную научную практику. Евразийство утверждает, что именно оно и только оно выражает русский дух, его метафизическую и сциентистскую природу так, как она раскрывается в отношении к Востоку-Азии.

На сегодняшний день неоевразийство является наиболее оригинальной теорией в современной России, взятой на вооружение консервативными течениями в 90-е гг. XX в., но оно имеет скорее интеллектуальную, чем политическую, конфигурацию. Евразийство пытается защитить понятие «империя», доказать, что империя не является ни национализмом, ни империализмом, а представляет особую форму государственности, содержащую в себе ценности, а не культ нации. Поэтому империя способна реализовать национальное многообразие Евразии [Ларюэль 2000, с. 5–7].

Все течения евразийства объединяются желанием видеть мир разделенным на «цивилизации» или «культурные ареалы». При этом культура понимается как закрытый мир, непроницаемый для внешнего влияния и подчиняющийся лишь собственной логике. История для евразийства циклична, цивилизации рождаются, умирают и сменяют друг друга. Поэтому можно в одну линию выстроить историософские системы Данилевского, Шпенглера и Тойнби с культурологическим анализом Броделя и Вебера: это все наука о «цивилизации» [Ларюэль 2000, с. 11; Панарин 1998, с. 2–27].

Классические евразийцы низко ценили политику и высоко – идеологические построения. Современные неоевразийцы делают основной акцент на политологическом аспекте. Они не стали развивать рассуждения ранних евразийцев о географии России, о ее пространстве как месторазвитии – рассуждения, ставшие ранее главным обоснованием евразийской целостности и самобытности.

Евразийцы считают, что традиционный национализм исчерпал себя, но они не терпят и претензий Европы, поэтому выход видят в культурных ареалах. Заимствуя идеи у Данилевского и Шпенглера, неоевразийцы возвращаются к представлениям раннего евразийства о возможном слиянии некоторых ареалов в единую

целостность. Так, гарантией целостности Евразии является синтез русского и восточного миров. Таким образом, из всех постсоветских интеллектуалов именно неоевразийцы сделали свой вклад в длительную дискуссию о способности или неспособности цивилизаций усваивать новые идеи.

У неоевразийцев сложные отношения с историческим временем. Линейное время они отвергают ввиду его европоцентричной природы, а что-то принципиально новое предложить не могут. Поэтому остается только подхватить идею ранних евразийцев о цикличности истории и о замене временного критерия пространственным. Тогда получается, что Евразия вследствие ее уникального континентального положения проявляет свою идентичность в пространстве, а не во времени, и развитие ее идет по горизонтали, а не по вертикали [Панарин 1995б, с. 66–79].

Геополитика не стала главным элементом легитимации неоевразийства. Поэтому неоевразийство – это скорее современная философия истории. Оправданием империи служат не географические аргументы ранних евразийцев, а принципы философии политики. Для евразийской империи первостепенно важна «цивилизационная» демократия, в которой заинтересованы этнокультурные общности, расположенные в ее пространстве. Демократию в таком контексте, по мнению неоевразийцев, можно определить как социокультурную систему национального плюрализма [Панарин 1995а].

Таким образом, неоевразийцы защищают имперскую сущность России, которая не угнетала подпавшие под ее контроль народы, а сохраняла их идентичность. В представлении неоевразийцев об империи в ней соединяются все евразийские ценности: преодоление этнического национализма, осознание России особой цивилизацией, создание прочной идеологии – государство растворяется в континенте, в империи реализуется «широтное» бытование России [Ларюэль 2000, с. 11–13].

Заключение

В итоге в современной историографии внимание историков сконцентрировалось на времени существования империи. Историки рефлексируют по поводу кризиса Российской империи и стремятся подвергнуть его углубленному конкретно-историческому анализу. Такой подход способствует накоплению нового фактического материала и обогащает представления о переломной эпохе в нашей истории.

Евразийство показывает, до какой степени тема Востока является основополагающей для русского сознания XIX–XX вв., насколько тесно эта тема связана с классическими философскими постулатами российской истории идей, такими как органичность, духовность, антииндивидуализм, империя. Разговор о Востоке – это разговор о России, способ размышления об идентичности России, ее месте и природе. Евразийство демонстрирует потребность в обобщающих идеях, в объяснении специфики русского мира, охватившего два континента, в легитимации империи. Именно евразийство представляет русскую интеллектуальную традицию, которая всегда, в чем бы она ни выражалась – в научных исследованиях или в политическом конструировании, – старалась представить Россию особым миром.

Литература

- Большакова 2019а – *Большакова О.В.* Конец Российской империи: современные интерпретации (обзор) // Имперский поворот в изучении истории России: современная историография: Сб. обзоров и рефератов / Ред. О.В. Большакова. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 150–172. (Серия «История России»)
- Большакова 2019б – *Большакова О.В.* Кризис Российской империи 1890–1914 гг. в зарубежной историографии // Российская история. 2019. № 2. С. 158–171.
- Большакова 2021 – *Большакова О.В.* Россия как многонациональная империя: итоги и перспективы изучения // Российская история. 2021. № 4. С. 163–177.
- Володин 2003 – *Володин А.Г.* Современные теории модернизации: кризис парадигмы // Политическая наука. 2003. № 2. С. 8–29.
- Долбилов, Сталюнас 2006 – *Долбилов М., Сталюнас Д.* Слова, люди и имперские контексты: дискуссия продолжается // Ab Imperio. 2006. № 1. С. 359–365.
- Имперский поворот 2019 – Имперский поворот в изучении истории России: современная историография: Сб. обзоров и рефератов / Ред. О.В. Большакова. М.: ИНИОН РАН, 2019. 179 с. (Серия «История России»)
- Ларюэль 2000 – *Ларюэль М.* Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 5–18.
- Панарин 1995а – *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе: (между атлантизмом и евразийством) / Рос. АН, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 1995. 261 с.
- Панарин 1995б – *Панарин А.С.* Евразийский проект в миросистемном проекте // Восток. 1995. № 2. С. 66–79.
- Панарин 1998 – *Панарин А.С.* Пределы фаустовской культуры и пути российской цивилизации // Наука о культуре: итоги и перспективы. 1998. Вып. 4. М., 1998. С. 2–27.

References

- Bolshakova, O.V. (2019a), "The end of the Russian Empire. Modern interpretations (review)", in Bolshakova, O.V., ed., *Imperskii povorot v izuchenii istorii Rossii: sovremennaya istoriografiya: Sbornik obzorov i referatov* [Imperial turn in the study of Russian history. Modern historiography. Collection of reviews and abstracts], INION RAN, Moscow, Russia, pp. 150–172. (*Seriya "Istoriya Rossii"*)
- Bolshakova, O.V. (2019b), "Crisis of the Russian Empire 1890–1914. in foreign historiography", *Rossiiskaya istoriya*, no. 2, pp. 158–171.
- Bolshakova, O.V. (2021), "Russia as a multinational empire. Results and prospects of study", *Rossiiskaya istoriya*, no. 4, pp. 163–177.
- Bolshakova, O.V., ed., (2019), *Imperskii povorot v izuchenii istorii Rossii: sovremennaya istoriografiya: Sbornik obzorov i referatov* [Imperial turn in the study of Russian history. Modern historiography. Collection of reviews and abstracts], INION RAN, Moscow, Russia, 179 p. (*Seriya "Istoriya Rossii"*)
- Dolbilov, M. and Stalyunas, D. (2006), "Words, people and imperial contexts. The discussion continues", *Ab Imperio*, no. 1, pp. 359–365.
- Laruelle, M. (2000), "Rethinking empire in the post-Soviet space. New Eurasian ideology", *Acta Eurasica*, no. 1, pp. 5–18.
- Panarin, A.S. (1995), *Rossiya v tsivilizatsionnom protsesse: (mezhdru atlantizmom i evraziiztvom)* [Russia in the civilizational process (between Atlanticism and Eurasianism)], IFRAN, Moscow, Russia.
- Panarin, A.S. (1995), "The Eurasian project in the world-system project", *Oriens*, no. 2, pp. 66–79.
- Panarin, A.S. (1998), "The limits of Faustian culture and the path of Russian civilization", in *Nauka o kul'ture: itogi i perspektivy* [The science of culture. Results and prospects], iss. 4, Moscow, Russia, pp. 2–27.
- Volodin, A.G. (2003), "Contemporary theories of modernization. Crisis of the paradigm", *Political science (RU)*, no. 2, pp. 8–29.

Информация об авторе

Наталья В. Иллеритская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; natalia.v.illeritskaya@gmail.com
ORCID ID: 0009-0005-1336-8685

Information about the author

Natalia V. Illeritskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; natalia.v.illeritskaya@gmail.com
ORCID ID: 0009-0005-1336-8685